
БЮРОКРАТИЗМ В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ И ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ РАБОЧИХ ГЛАЗАМИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ И САТИРИКОВ 1920-Х ГОДОВ

М.Н. Мосейкина

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-1, Москва, Россия, 117198

В данной статье через призму внутривнутрипартийных дискуссий и сатирико-юмористической прозы 1920-х гг. рассматриваются актуальные для первого послереволюционного десятилетия проблемы советской действительности, связанные с проявлением бюрократизма в производственной и повседневной жизни советских рабочих. Автор сопоставляет политическую точку зрения партийной оппозиции и взгляд сатириков на пороки формирующейся советской бюрократической системы.

Самым критическим периодом для большевиков, по справедливому замечанию авторов, исследовавших социокультурные истоки и основание большевизма (1), оказались не гражданская война и интервенция, как было принято считать, а ситуация, наступившая после ее окончания, «когда большевики столкнулись с необходимостью длительного управления крестьянской страной», в которой не исчезли старые проблемы, в том числе «неспособность совместного принятия и исполнения сложных решений, в особенности затрагивающих проблемы изменения отношений между людьми», «сохранился вакуум институтов, слабость и неэффективность их функционирования, стремление локальных сил, коррупции заполнить организационный и функциональный вакуум».

На пороки формирующейся советской бюрократической системы немедленно отреагировали сами большевики, а также представители российского зарубежья (Н.А. Бердяев, В.Н. Ильин, А.С. Изгоев, П.Б. Струве, Г.П. Федотов, С.О. Португейс и др.). Одновременно проявления бюрократизма послереволюционных лет стали объектом обличения в сатирико-юмористических произведениях так называемой малой прозы (рассказах, фельетонах, памфлетах и т.д.). В трудах представителей политической и религиозно-философской мысли русской эмиграции отмечалась связь духовной конструкции «советского коммунистического царства» с «московским православным царством» в части подчинения всего народа «государственному катехизису», говорилось о «новой форме старой гипертрофии государства в русской истории». Со старой Москвой, по мнению представителей русской эмиграции, советского человека роднила «вековая привычка к повиновению, слабое развитие личного сознания, потребности к свободе и легкость жизни в коллективе, «в службе и в тягле» (2). По аналогии с петровской эпохой проводилась параллель в методах осуществления «переворота»: «та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов..., тот же

этатизм, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм» (3). «Конечно, — писал по этому поводу В. Трутовский, — не одни только большевики выдумали и произвели этот централизм. Нет, он был присущ и царскому самодержавию; большевики только использовали этот уже существовавший аппарат, подчинив его себе внешне, но оставив его внутреннюю сущность. Соединение централистского по своей природе большевизма с оставшимся от самодержавия бюрократизмом дало небывалую в истории карикатуру на общественное планомерное хозяйство в виде пресловутой **Главкокрлатии**... Хищничество, воровство, волокита, взяточничество стали господствующими «методами социалистического хозяйства» в советских учреждениях» (4). И, хотя не было уже гоголевской России, но, как отмечал Н.А. Бердяев, «и в советской, коммунистической России есть Хлестаковы, Ноздревы, Чичиковы, и в ней торгуют мертвыми душами и лже-имянный ревизор наводит на всех страх» (5). На справедливость отмеченной представителями русского зарубежья преемственности в части пороков системы указывает и то, что среди сатирических произведений, появившихся уже в новой, советской России, были, например, «Похождения Чичикова» М. Булгакова. В нем перенесенный из гоголевских времен персонаж оказывается в пореволюционной Москве и осуществляет с помощью старых знакомых (Ноздрева, Коробочки, Утешительного) поистине фантастические операции: аферу с пайками, заграничные сделки, «негоции» с торгово-промышленными предприятиями или покупку и продажу Манежа (6). А в рассказе В. Лебедева-Кумача «Инкогнида» было показано одно из присутственных мест, готовящееся, как в старые гоголевские времена, принять ревизора, который, очарованный любезным приемом, уже на выходе встречается с уборщицей, раскрывающей ему глаза на все происходящее: «Тайком, вишь, ревизию нам решили назначить... Ну, а наш заведующий, значит, прознал. Вот и повернул все вверх дном. Плевалки наставил, всем служащим работать велел напоказ... Мочи больше нету! Хоть бы поскорей эта Инкогнида проклятая приходила. Пойдет опять все по-старому — как хошо!» (7).

Сами большевики столкнулись с проблемой возрождения бюрократизма внутри советского строя уже ко времени созыва VIII съезда партии (1919 г.), что нашло отражение в принятой съездом новой программе РКП(б). Намечившаяся бюрократизация режима выражалась в широкой практике замены выборности назначенчеством, в ослаблении роли исполкомов, усилении власти председателя, ослаблении роли Советов и профсоюзов, затронула она и саму партию, широко применявшую вместо выборов назначение секретарей парторганизаций сверху.

Становилось очевидным также, что бюрократизм бил по рабочему в партийной, хозяйственной, бытовой и культурной жизни. На IX съезде РКП(б) бюрократизация вызвала протест части членов партии, предупреждавшей об «олигархическом перерождении», а позже, в том же 1920 г., этот протест внутри партии принял массовый характер в виде движения низов против верхов. На пороки бюрократической системы в производственной и повседневной жиз-

ни рабочих, особенно в условиях военно-коммунистической модели, одними из первых указали представили «рабочей оппозиции» и так называемые «децисты». Они были непоколебимыми защитниками «пролетарской демократии» перед диктатурой, первыми подняли протест против методов управления, с помощью которых рабочих «заставляли поверить силой». Представители оппозиции призывали партию «вверить свою судьбу» рабочему классу, который привел ее к власти. Одновременно в части экономических требований в утопическом духе обосновывалась необходимость скорейшего удовлетворения потребностей рабочего класса, равной оплаты для всех, предоставления бесплатной еды, одежды, жилья и других услуг, предлагалось передать в руки заводских комитетов промышленность. Рабочая оппозиция во главе со Шляпниковым и Коллонтай выступили также против опеки партии и правительства над профсоюзами, предлагая в синдикалистском духе передать профсоюзам, завкомам и всероссийскому съезду производителей контроль над экономикой. Они заклеили Советское государство как оплот новой привилегированной бюрократии, назвав Ленина и Троцкого военизаторами труда и пособниками неравенства (8).

Троцкий в этот период действительно выступал защитником вмешательства сверху в дела профсоюзов, возражая тем, кто считал, что новая бюрократия возрождает царские методы управления. «Бюрократизм не есть изобретение русского царизма, — писал он, — бюрократизм есть эпоха в развитии человечества» (9). Россия, как отмечал Троцкий, страдает «не столько от дурных сторон бюрократизма, но главным образом оттого, что не усвоила многих хороших его сторон». Хозяйственная разруха, по его мнению, не оставляла времени для применения демократических процессов, которые происходили невыносимо медленно по причине низкого культурного и политического уровня российских масс. В силу этого Троцкий был готов предоставить бюрократии некоторые ограниченные привилегии, что дало впоследствии Сталину, как пишет И. Дойчер, возможность не без оснований наградить его обидным прозвищем «патриарх бюрократов» (10). И хотя большевистская партия пока еще защищала принципы пролетарской демократии в споре с Троцким, но одновременно продолжала все дальше отходить от них на практике. В результате через несколько лет тот же Троцкий озвучит многие критические замечания и требования, впервые прозвучавшие в программе рабочей оппозиции и децистов, и призовет к возрождению рабочей демократии.

Особо опасность бюрократического (буржуазного) перерождения начала осознаваться в связи с переходом страны на рельсы новой экономической политики. Рабочие в новых условиях рынка оказались ущемлены в своем материальном и социальном статусе, что сохраняло напряженность и порождало явное недовольство на местах. Подтверждением подобных настроений могут служить рассуждения одного старого рабочего: «Я думал: вот добьем последних сволочей, и тогда жить станет по-новому. И когда добились их, когда начали пускать

фабрики, я увидел — прежние слуги хозяйские опять вернулись на фабрику. Опять они начали нами командовать...» (11).

Оппозицию, сложившуюся в рядах партии в 1923 г., волновала, в первую очередь, бюрократизация социальной политики властей, включая постановку вопросов о «положении рабочих», «заработной плате», «рабочем жилищном строительстве» и т.д. Члены оппозиции, по словам К. Радека, «предупреждали партию об опасностях, угрожающих революции от неумелой работы над укреплением промышленности, как и от роста бюрократического зажима» (12). Несмотря на то, что оппозиция собрала треть голосов партии, она была разбита партийным аппаратом, хотя и не перестала существовать. В 1925 г. на июльском пленуме ЦК ВКП(б) оппозиция 1923 и 1925 гг. объединилась для совместной борьбы за исправление общей политической линии партии, придя к убеждению, что продолжение «бюрократического зажима» убьет активность передовых частей рабочего класса, обезоружит их перед лицом растущей активности мелкобуржуазных масс, и в первую очередь — кулаков. Против этих опасностей рекомендовалось бороться путем внутрипартийной демократии и усиления развития промышленности (индустриализации). В свою очередь, большинство ЦК обвинило оппозицию в непонимании рабочего характера советского государства, в преувеличенном выпячивании опасностей бюрократизма, в демагогическом отношении к рабочему вопросу, в поощрении мелкобуржуазных тенденций устранения диктатуры путем внутрипартийной демократии и др. (13).

Тем не менее разоблачение «роста бюрократического режима» стала одной из задач внутрипартийной оппозиции 1920-х гг. Борьбу против бюрократических извращений предполагалось вести не путем «превращения известного числа рабочих в чиновников, но путем приближения к рабочим и крестьянским низам всего государственного аппарата во всей повседневной его работе» (14). В проекте «Платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б)» 1927 г. (подготовленном Мураловым, Евдокимовым, Пятаковым, Зиновьевым, Троцким, Каменевым и др.) отмечалось, что «вопрос о советском бюрократизме не есть только вопрос о волоките, раздутых штатах и проч.». В основе своей это был «вопрос о классовой роли бюрократии, об ее общественных связях, об отношении к нэпману и чернорабочему, к жене советского «сановника» и к темной крестьянке». «Чью руку тянет чиновник?» — таков основной вопрос, заявляла оппозиция, повседневно проверяемый на житейском опыте миллионами трудящихся (15).

В специальном «Заявлении», адресованном июльскому 1926 г. Пленуму ЦК ВКП(б), всем членам ЦК и ЦКК, под которым стояли 13 подписей (в том числе Л. Троцкого, Г. Пятакова, Л. Каменева, Н. Крупской и др.), отмечалось, что главной причиной роста бюрократизма в СССР было «расхождение между направлением хозяйственной политики и направлением чувств и мыслей пролетарского авангарда», которое неизбежно усиливало «потребность в нажиме» и придавало «всей политике административно-бюрократический характер» (16). Отмечалось,

что руководящим центрам тем труднее было проводить свои решения методами партийной демократии, чем меньше авангард рабочего класса воспринимал их политику как свою собственную. Во второй половине 1920-х гг. это происходило, в том числе, по причине обозначившегося в условиях нэпа отставания в промышленности и наметившегося в связи с этим понижения удельного веса пролетариата в обществе, сокращения числа бедняков и батраков, подрывавшего их доверие к государству.

В производственной практике выделялось несколько проблем, которые, как говорилось, именно бюрократия создала и не собиралась разрешать. Во-первых, речь шла о бюрократическом отношении руководства к вопросам заработной платы пролетарской массы, что выражалось в ее отставании на фоне повышения жизненного уровня непролетарских элементов города и деревенских верхов, а также в ее несвоевременной выдаче. Особо выделялась проблема бюрократического отношения к вопросам «режима экономии», провозглашенного в 1926 г., рационализации производства и др.

В специальном разделе Платформы оппозиции, посвященном «Положению рабочего класса и профсоюзам», отмечалось, что рост зарплаты рабочих отставал от роста производительности труда; напряженность труда росла, а неблагоприятные условия на производстве оставались все те же. Расходный бюджет рабочей семьи сократился в 1924—1925 годах; повышение квартирной платы вынуждало сдавать внаем часть жилой площади. Распределение площади ряда обследованных городов по социальным группам было таково: на рабочего — 5,6 кв. м; на служащего — 6,9; на лицо свободной профессии — 10,9. По пятилетнему плану жилищного строительства, составленному Госпланом, выходило, что жилплощадь на одного человека в течение пяти лет **уменьшается** с 11,31 кв. арш. В 1925/1926 г. до 10,71 кв. арш. в 1930/1931 г., в то время как минимальной санитарной нормой считается 16 кв. арш. (17).

Низкий уровень заработной платы создавал проблемы и с оплатой жилья в таком размере, который позволял бы сохранять его в более или менее сносном виде. Постройки и содержание домов (особенно для рабочих) были убыточными. Выход пытались найти за счет роста бюджетных ассигнований на жилищное строительство и повышения квартплаты, которая по сравнению с низкой зарплатой рабочего ложилась тяжким бременем на рабочего, нередко заставляя его жить «в конурах». Таким образом, делала вывод оппозиция, рабочий за «дешевую» цену получал негодный продукт.

Заметно било по бюджету рабочих растущее потребление спиртных напитков. Дело в том, что государственная продажа водки была введена первоначально как эксперимент в расчете на то, что основная часть дохода от ее продажи пойдет на дело индустриализации, прежде всего металлургии. Оппозиция признала опыт неудавшимся: «государственная промышленность теряет от водки не меньше, чем получает от водки бюджет, и в несколько раз больше, чем сама промышленность получает из бюджета («небрежная работа, повышение брака, порча машин, рост несчастных случаев, пожары, драки, увечья и прочее

измеряются в год сотнями миллионов рублей» (18). В письме «К пятнадцатому съезду ВКП(б)», которое подписали 15 представителей оппозиции, по этому поводу отмечалось:

«ЦК утверждал, что водка только «вытесняет самогон». А на деле оказывается, что со времени выпуска 40-градусной водки, с 1924—1926 гг., число алкоголиков в Москве (среди которых 85—90% составляют рабочие и члены их семейств) выросло вчетверо, вчетверо же увеличилось и число смертных случаев от алкоголизма, а число задержанных в Ленинграде в пьяном виде увеличилось в 9 раз. Несмотря на это, в перспективном плане наиболее быстрый рост предусмотрен для производства водки — почти в три раза за пять лет» (19).

В результате рабочих не только платил «пьяный налог» в ущерб остальным своим потребностям, отравляя себя алкоголем, но и терял вследствие прогулов часть своего заработка. Особенно губительно сказалось «введение водки» на рабочей молодежи.

Говоря о внутреннем режиме на предприятиях, оппозиция отмечала стремление администрации к «установлению своей неограниченной власти»; вследствие чего в ее руках находились и прием, и безапелляционное право увольнения рабочих за проступки. На производстве администрацией широко применялась практика сверхурочных работ, а также привлечения «временных» рабочих, поставленных сравнительно с постоянными в худшее правовое положение в отношении условий увольнения и выплаты выходного пособия. Это злоупотребление вело к текучести рабочей силы, вытеснению квалифицированных рабочих неквалифицированными и понижению заработной платы. Роль фабзавкомов при этом сводилась только лишь к регистрации принятых, на почве чего развивалось мелкое взяточничество мастеров с рабочими. В руках мастеров всецело находилось также установление сделных расценок.

Администрация игнорировала указания производственных совещаний и рабочих на дефекты в постановке производства, объявляя подобные требования «бузотерством» (20). Все это давало повод оппозиции констатировать, что отношения между мастером и рабочим на предприятиях все больше напоминали «дореволюционный порядок». В результате, массовым явлением стало «безразличное, а в иных случаях враждебное отношение рабочих к своим профсоюзным организациям», вследствие чего рабочие собрания «собирались вяло, иногда с помощью административного принуждения», сводилась на нет роль **производственных совещаний**. Самодетельность профессионально-организованных рабочих масс заменялась соглашением секретаря ячейки, директора завода и председателя фабзавкома («Треугольник»). Недовольство рабочего, не находя выхода в профсоюзах, загонялось вглубь. «Нам нельзя быть особенно активными; если хочешь кусок хлеба, то поменьше говори», — такие заявления обычны, констатировали представители оппозиции, ссылаясь на «Информационный обзор итогов широких рабочих конференций», подготовленных ЦК (21).

Кампания **коллективных договоров** характеризовалась «почти повсеместным ухудшением правовых условий и нажимом на нормы и расценки». Предо-

ставление хозорганам права принудительного арбитража свело к нулю сам коллективный договор, «превратив его из акта двустороннего соглашения в административное распоряжение» (22). Несмотря на то, что последние годы, как отмечалось в документах оппозиции, характеризовались резким ростом **конфликтов**, их «разбор носил по существу не примирительный, а принудительный характер». В области разрешения конфликтов между хозяйственниками и рабочими профсоюзы оказались лишены возможности применять стачку на государственных предприятиях, поскольку теперь «хозорган независимо от согласия профсоюза мог перенести дело в арбитражный суд». Кроме того, «на фабрики и заводы», точнее, «на борьбу с законным недовольством рабочих, вызванным бюрократическим и мелкобуржуазным извращением», начинала переноситься и деятельность ГПУ (23).

Еще одной проблемой, выделенной оппозицией, стало бюрократическое отношение чиновников различного уровня к вопросам «**режима экономии**», провозглашенного в 1926 г. Одним из видов ее выполнения являлась, как отмечалось, борьба с прогулами (которые в значительной мере были следствием увеличения продажи водки), превращавшаяся в систему карательных мер с увольнением рабочих за малейшее опоздание. Этот вид борьбы за режим экономии принял в столице, не говоря уже о провинции, эпидемический характер. Другим видом экономии стало сокращение расходов на технику безопасности, в результате чего выросло число несчастных случаев на предприятиях. За 1925/1926 г. на 1000 рабочих, по данным НКТ РСФСР, на крупных предприятиях приходилось в среднем 97,6 несчастных случаев с утратой трудоспособности. «Каждый десятый рабочий в течение года подвергался несчастному случаю!» (24). По Москве на заводах и фабриках в 1925 г. было зарегистрировано 2775 несчастных случаев, в 1926 г. — уже 6111.

Режим экономии также приводил «к механическому нажиму сверху вниз и в последнем счете, к нажиму на рабочих, притом на менее обеспеченные и хуже всего оплачиваемые слои и группы». Все это, по мнению оппозиции, неизбежно вызывало снижение политического и культурного «самочувствия пролетариата как правящего класса» (25). В своих практических предложениях XV съезду оппозиция требовала: «Режим экономии ни в коем случае не должен проводиться за счет жизненных интересов рабочих. Необходимо вернуть рабочим отнятые у них «мелочи» (ясли, трамвайные билеты, более длительные отпуска и так далее)» (26).

Особую заботу оппозиции в этой связи вызывало молодое поколение, поскольку тяжелее всего бюрократический режим сказывался на жизни рабочей и крестьянской молодежи. В отношении того, почему трудно приходилось молодым на предприятиях, отмечалось, что бюрократический режим и здесь внедрялся, «как ржавчина в жизнь каждого завода и цеха». Если члены партии фактически были лишены права критиковать райком, губком или ЦК, то на заводе они лишались возможности подвергать критике ближайшее начальство. «Администратор, — говорилось в «Заявлении», — который в качестве «верного че-

ловека» сумел обеспечить себе поддержку секретаря вышестоящей организации, тем самым страхует себя от критики снизу, а нередко от ответственности за беспхозяйственность или прямое самодурство» (27).

Развиться «до большевизма» в условиях нэпа, как считала оппозиция, молодежь могла только путем самостоятельной работы мысли и критики. Бюрократизм же, наоборот, брал молодежь в тиски, не допуская критику в ее рядах, «загоняя сомнения внутрь», что порождало, с одной стороны, недоверие и упадок, с другой, — карьеризм. Карьеризм, как оказалось, особенно процветал в верхушке Коммунистического Союза Молодежи, который выдвигал немало чиновников из среды, дальше других стоявшей от рабочих и низовой крестьянской массы. Подобному отношению к делу способствовало, как считали оппозиционеры, и воспитание комсомола, «калечившее пролетарскую молодежь», поскольку вся система сталинского партвоспитания на тот момент была подчинена не задаче создания подлинных пролетарских революционеров, а задаче «вынуть, выхолостить боевое содержание пролетарской партии, начинить ее фальсифицированным ленинизмом», прививая партии привычки к послушанию и раболепству (28). В этих условиях грубейшей ошибкой, способной усилить разобщение между комсомолом и массами рабочей молодежи, являлся, по мнению оппозиции, ряд решений, ухудшавших, вопреки постановлениям XIV съезда партии, положение рабочей молодежи (сужение брони, особая тарифная сетка для учеников, сокращение приема в школы фабзавуча; сюда же относится попытка введения бесплатного ученичества) (29).

Говоря о необходимости развития «рабочей демократии» как средстве борьбы с советским бюрократизмом, представители оппозиции ссылались на резолюции X и XI съездов партии, в которых отмечалось, что методы рабочей демократии, урезанные в годы гражданской войны, важно было восстановить в первую очередь в профессиональном движении. Речь шла о выборности всех органов профдвижения, устранении «методов назначения», но особенно — о «борьбе с вырождением централизма и милитаризованных форм работы в бюрократизм и казенщину» (30). Но как раз это, по мнению оппозиции, и не было сделано руководством партии после смерти Ленина, когда государственный и хозяйственный аппарат прочно захватывался «несменяемой кастой чиновников», которые, в свою очередь, противостояли трудящимся массам как «новое господствующее сословие, воплощая в своем лице неслыханный рост бюрократических извращений рабочего государства» (31).

Характерной чертой новых советских управленцев являлась также бюрократическая страсть контролировать все мелочи повседневной жизни людей, т.е. то, что называлось «мелкой опекой» (советский термин того времени, как пишет известная английская исследовательница Ш. Фицпартик, служивший для обозначения микроадминистрирования) (32). В России, как справедливо отмечает Фицпартик, подобное явление имело длительную историю, берущую свое начало как минимум в эпоху Петра Великого с его знаменитыми предписания-

ми, как дворянству одеваться и вести себя в общественных местах. Различного рода предписания и соответствующие наказания (например, за невыход на работу, за непосещение занятий по ликвидации неграмотности, за невежливые выражения, за непривязанных собак и т.д.) «изобретались» любителями микроадминистрирования на протяжении всего периода 1920—30-х гг., в результате чего в мае 1938 г. Всесоюзное совещание областных прокуроров было вынуждено осудить тенденцию районных и городских советов издавать обязательные постановления по самым тривиальным вопросам (33).

Поскольку подобные регламентации в повседневной жизни советского человека доходили до абсурда, то очень скоро они стали объектом обличения в советской сатирико-юмористической прозе 1920-х гг. Это было время расцвета политической, бытовой и литературной сатиры. На страницах сатирических журналов — «Соловей» (1917), «Гильотина» (1918), «Красный дьявол» (1918), «Красная колокольня» (1918), «Крокодил» (1922) и др. в массовых жанрах сатирико-юмористических рассказов и фельетонов выступали как известные (М. Зощенко, М. Булгаков, А. Платонов, И. Ильф и Е. Петров), так и малознакомые сатирики — Арк. Бухов, П. Романов, М. Волков и др. При этом если в первые годы после революции характерным было упрощенно-лубочное обличение, отражавшее классовое противоборство и антагонизм, то в период нэпа ему на смену приходят ирония, пародия, насмешка, направленные на новых субъектов сатиры: нэпмана, обывателя, бюрократа, высмеивающие социальную мимирию, демагогию, подхалимство, протекционизм и проч. (34).

Так было с кампанией по режиму экономии. М. Зощенко в одном из своих произведений ведет рассказ, как в городе Борисове за одну короткую зиму в одном только учреждении было сэкономлено семь сажень еловых дров; за десять лет предполагалось сэкономить уже десять кубов, а через тысячу лет вообще собирались дровами торговать. Подобные инициативы, пишет сатирик, вдохновляли начальство, которое ломало голову над тем, «чего экономить», на что местная уборщица Ньюша предложила:

«Раз, говорит, такое международное положение и вообще труба, то говорит, можно, для примеру, уборную не отапливать. Чего там зря поленья перегонять? Не в гостиной!» Так и сделали. В результате семь сажень сэкономили. Стали восьмью экономить, да тут весна ударила» (35).

Говоря о подобных инициативах местных начальников, Зощенко высмеял среди прочих и такую. В каждой профессии, как известно, существовали свои, допустимые нормы брака. Имеют «свой брак» и парикмахер, и врач, и стекольщик. И только одна профессия, как оказалось, «не имеет брака» — это почтовое дело, что очень обижало местных начальников. И вот Средне-Волжское управление связи выработало свои нормы брака, по которым почтовикам «разрешалось безнаказанно терять двенадцать процентов писем, шесть процентов заказных писем, четыре процента телеграмм». На что сатирик замечает:

«Другое бы управление, дорвавшись до такой полноты власти, махнуло бы сразу: ...пятьдесят процентов... А это такие деликатные мальчишки попались...

При такой тонкости надо бы, я извиняюсь, и про денежные переводы чего-нибудь намекнуть... Ну, надо полагать, тоже не свыше пятнадцати процентов» (36).

Б. Самсонов, продолжая тему борьбы за режим экономии в стране, писал, что при каждом добропорядочном учреждении имелась комиссия по режиму экономии. Среди них нашлась одна комиссия при Наркомпочтеле, которая после тяжелых трудов и размышлений, помимо традиционного — «сокращения курьерш», изыскала свое средство для экономии — сбор использованных пломб от ценных посылок. Для успешного выполнения поставленной задачи было решено первым делом организовать «центральное управление по сбору пломб, а также областные и губернские отделы», «организовать курсы по подготовке инструкторов для обучения почтово-телеграфных работников искусству выпрашивания пломб», «создать специальный прибор вроде пылесоса, втягивающий в себя из всех металлов только свинец», и, наконец, предусматривались «обязательные заграничные командировки для членов комиссии на предмет ознакомления с постановкой данного вопроса за рубежом. При этом важно было «обследовать как крупные столичные центры, вроде Парижа, Вены и Берлина, так и провинциальные пункты, как, например, Ницца, Монте-Карло, Биарриц, в которых население особенно охотно и часто получает ценные посылки из указанных центров» (37).

И. Ильф и Е. Петров показали, как под лозунгом «Все на борьбу за здоровое гулянье!» руководство одного из столичных парков («идеологи отдыхающего дела») попыталось навести порядок и в этой сфере культурного отдыха, дав «нагрузку каждой человеко-гуляющей единице». Стали мучительно думать: «Как гулять? С кем гулять? По какому способу дышать воздухом? По какому методу веселиться?». В проекте некоего товарища Гориллы ставилась задача добиться того, чтобы «гуляющие шли гуськом, в затылок друг другу, тогда перед глазами будет обязательно какой-нибудь плакат», предварительно «навешенный на спину каждого человеко-гляющего» на какую-нибудь актуальную тему — «другдitevскую или госстарховскую». После двух часов ходьбы предлагалась массовая игра под названием «Утиль Уленшпигель» — по сбору мусора у себя под ногами. Подобные методы были названы сатириками «картонными и фанерными методами работы» (38). Еще один рассказ известных сатириков на тему «Директивный бантик» также посвящался проблеме регламентации повседневной жизни советского человека, в частности, в его стиле одежды и манере одеваться. Речь шла о том, как какой-то «швейный начальник спустил на низовку директиву о том, чтобы платья были с бантиком». «И вот между животом и грудью был пришит директивный бантик». Это в Наркомлегпроме, замечают писатели, родилось искусство одевать людей в «обезличенные коксовые костюмы», «оттуда плавно спускались директивы насчет тещиных бантиков», в результате фабрики шили «не пиджак, а спинпиджак, не брюки, а портки, не женское платье, а крепдешиновый мешок с директивными бантиками». «Утвержденный в канцелярии покрой» устанавливался, таким образом, самое меньшее на пять лет (39).

В рассказе «Дневная гостиница» Ильф и Петров высмеивали аналогичные директивы местного начальства, подобные принудительной санобработке людей, «введенной в красивейших южных городах Союза», Всероссийской конференции дворников, на которую были затрачены деньги, но которые можно было бы «употребить на покупку машин для мытья и очистки улиц». Размышляя на тему бюрократии, авторы приходят к следующему выводу:

«Если создается правило, от которого жизнь советских людей делается неудобной, правило бессмысленное, которое выглядит нужным и важным только на канцелярском столе, рядом с чернильницей, а не с живыми людьми, можно не сомневаться в том, что его создала костяная нога, человек, представляющий себе жизнь в одном измерении, не знающий глубины ее, объема» (40).

Подобную систему управления, сложившуюся в СССР в 1920—1930-е гг., американский политолог Кен Джоуит назвал персоналистской и «вотчинной», т.е. когда каждое учреждение напоминало феодальную вотчину, а его статус и власть были неотделимы от статуса и власти возглавлявшего его человека. Начальники такого типа выступали в роли патронов для целой свиты политических клиентов, подчиненных и помощников, от которых они требовали верности в обмен на предоставляемое покровительство. Благодаря чему местный руководитель мог свести к минимуму противодействие или критику своего управления, таким же образом мог и скрыть от центра собственные проблемы и огрехи (41). Для политической оппозиции было ясно, что до тех пор, пока рабочие массы на фабрике и заводе не смогут открыто выступать против непорядков и злоупотреблений, обличая виновников по именам, без опасения быть изгнанным из ячейки и даже с завода, до тех пор все попытки борьбы за тот же режим экономии или за производительность труда будет осуществляться на бюрократических рельсах, т.е. чаще всего ударять по жизненным интересам рабочих, что в реальности и происходило в стране в рассматриваемый период и в последующие годы. Одной из причин сложившегося положения на производстве и в обществе в целом являлся рост численности рабочего класса в основном за счет сельского населения, что вело к размыванию пролетарского сознания. В результате на производстве в рассматриваемый период преобладал «серенький малообразованный тип рабочего, не умевшего как следует постоять за свои права и неспособного к рабочей демократии» (42).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Ахиезер А.С. и др.* Социокультурные основания и смысл большевизма. — Новосибирск, 2002. — С. 582—583.
- (2) Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии / Сост. Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. — СПб., 1999. — С. 68, 246.
- (3) Там же. — С. 77.
- (4) Там же. — С. 80.
- (5) Там же. — С. 74.
- (6) *Булгаков М.* Похождения Чичикова // Русская советская сатирико-юмористическая проза. Рассказы и фельетоны 20—30-х годов. — Л., 1989. — С. 123—134.
- (7) *Лебедев-Кумач В.* «Инкогнида» // Русская советская сатирико-юмористическая проза... — С. 153.

- (8) *Дойчер И.* Троцкий. Вооруженный пророк. 1879—1921. — М., 2006. — С. 512.
- (9) Цит. по: *Дойчер И.* Указ. соч. — С. 508.
- (10) Там же.
- (11) *Иван Жига.* Думы рабочих, заботы, дела. Записки рабкора.— М., 1931. — Изд. 4. — С. 226.
- (12) *Радек К.* Об оппозиции. 1926 // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927 гг. — М., 1990. — Т. 2. — С. 40.
- (13) Там же. — С. 40—41.
- (14) Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б). (Кризис партии и пути его преодоления). 1927 // Там же. — Т. 4. — С. 141.
- (15) Там же. — С. 139.
- (16) Июльский Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Членам ЦК и ЦКК. Заявление. 1926 // Там же. — Т. 2. — С. 13.
- (17) К пятнадцатому съезду ВКП(б). 1927 // Там же. — Т. 4. — С. 271.
- (18) Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б). (Кризис партии и пути его преодоления). 1927 // Там же. — С. 138.
- (19) К пятнадцатому съезду ВКП(б). 1927 // Там же. — С. 271.
- (20) Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б). (Кризис партии и пути его преодоления). 1927 // Там же. — С. 153.
- (21) Там же. — С. 121.
- (22) Там же. — С. 120.
- (23) *Емельянов В., Хорченко Т.* Наш ответ Слепкову. 1927 // Там же. — Т. 4. — С. 92.
- (24) Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б). (Кризис партии и пути его преодоления). 1927 // Там же. — С. 120.
- (25) Июльский Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Членам ЦК и ЦКК. Заявление. 1926 // Там же. — Т. 2. — С. 13—14.
- (26) Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б). (Кризис партии и пути его преодоления). 1927 // Там же. — Т. 4. — С. 123.
- (27) Июльский Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Членам ЦК и ЦКК. Заявление. 1926 // Там же. — Т. 2. — С. 18.
- (28) *Смирнов В.М.* Под знамя Ленина. 1927 // Там же. — Т. 3. — С. 180.
- (29) Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б). (Кризис партии и пути его преодоления). 1927 // Там же. — Т. 4. — С. 155.
- (30) *Смирнов В.М.* Под знамя Ленина. 1927 // Там же. — Т. 3. — С. 205.
- (31) Там же. — С. 138.
- (32) *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. — М., 2001. — С. 45.
- (33) Там же. — С. 36.
- (34) Русская советская сатирико-юмористическая проза. Рассказы и фельетоны 20—30-х годов. — Л., 1989. — С. 3—5.
- (35) *Зоценко М.* Режим экономии // Избранное. — М. 1989. — С. 137.
- (36) *Зоценко М.* Терпеть можно // Русская советская сатирико-юмористическая проза... — С. 112.
- (37) *Самсонов Б.* Блестящее достижение // Там же. — С. 176—178.
- (38) *Ильф И., Петров Е.* Веселящаяся единица // Там же. — С. 332—333.
- (39) *Ильф И., Петров Е.* Директивный бантик // Там же. — С. 345—348.
- (40) Там же. — С. 354.
- (41) *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. — С. 44.
- (42) *Соколов А.К.* Курс советской истории. 1917—1940. — М. 1999. — С. 116.

**BUREAUCRATISM IN AN INDUSTRIAL AND DAILY LIFE
OF THE SOVIET WORKERS BY THE EYES
OF POLITICAL OPPOSITION AND SATIRISTS OF 1920S**

M.N. Moseykina

Department of Russian History
Peoples Friendship University of Russia
Mikhlukho-Maklay Str., 10-1, Moscow, Russia, 117198

In given clause on materials of inner-party discussions and satirical products of 1920s years actual problems of the Soviet validity of the first послереволюционного the decades connected with display of bureaucratism in an industrial and daily life of the Soviet workers are considered. The author compares with the political point of view of party opposition and a sight of satirists at defects of formed Soviet bureaucratic system.